

А. Н. Сунами

КОНФЛИКТ ЦЕННОСТЕЙ КАК СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСНОВАНИЕ БОРЬБЫ ГОСУДАРСТВА С НАРКОРЫНКОМ¹

В статье анализируются комплексные отношения современного государства и наркорынка. Используя конфликтный подход к анализу современного состояния борьбы с наркотиками, автор указывает на то, что трактовка государства и наркорынка как сторон конфликта интересов позволяет выявить наиболее существенные характеристики их отношений как взаимобусловленные, оценить текущее состояние и спрогнозировать результат антинаркотической политики.

Автор замечает, что государство в силу присущей ему специфической ответственности, имеет определенный набор интересов, связанных с сохранением и приумножением общего блага, а также выступает в качестве основного инвестора в человеческий капитал. Конфликт интересов возникает в тот момент, когда деятельность наркоторговцев, частный интерес которых заключается в извлечении прибыли от продажи опасного продукта, начинает столь сильно угрожать человеческому капиталу, а следовательно, инвестициям в него, что государство вынуждено манифестировать несовместимость своих интересов с наркорынком и начать войну с последним. Ценностный формат является первоначально второстепенным для этого конфликта, связан с необходимостью консолидировать общество вокруг борьбы государства с наркорынком, а впоследствии — с попытками наркорынка подмыть основания этого консенсуса.

Анализируется тенденция постепенного превалирования конфликта ценностей над конфликтом интересов в отношении государства и наркорынка. Обосновывается тезис о том, что такая дерационализация конфликта государства и наркорынка служит одной из причин наблюдаемого уравнивания возможностей и сил сторон. Автор делает вывод, что только возвращение конфликта в базовое состояние конфликта интересов способно снова соотнести антинаркотическую активность государства с действительными интересами общества. Библиогр. 16 назв.

Ключевые слова: конфликт, государство, наркорынок, ценность, конфликт ценностей, антинаркотическая политика.

A. N. Sunami

CONFLICT OF VALUES AS A SOCIO-PHILOSOPHICAL BASIS OF STATE'S WAR ON THE ILLICIT DRUG MARKET

The paper analyses the complex counteraction between the modern state and the illicit drug market. Applying the conflict studies approach to the analysis of the current situation in the state war on drugs, the author points out that the interpretation of the state and the illicit drug market as parties in a conflict of interests makes it possible to identify the most significant characteristics of their relations as interdependent, to examine the medical and law enforcement activities against the drug market and to forecast the result of the anti-drug policy.

The article summarizes well-known approaches, it notes that the state, due to its inherent specific responsibility, has a set of interests related to the preservation and enhancement of the common good, and also acts as the main investor in human capital. Conflict of interest arises when the activities of drug dealers, whose private interest consists in extracting profits from the sale of a dangerous product,

Сунами Артем Николаевич — кандидат политических наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург; Университетская наб., 7–9; a.sunami@spbu.ru

Sunami Artem N. — Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation; a.sunami@spbu.ru

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 16-03-00388а.

start to influence human capital so negatively that the state is forced to manifest the incompatibility of its interests with the drug market and initiate a war on drugs.

The article analyzes the tendency of the gradual prevalence of the conflict of values over the conflict of interests in the interaction between the state and the illicit drug market. It opines that the irrationalization of the conflict between the state and the illicit drug market is one of the reasons for the observed equalization of the capabilities and power of the parties. The author concludes that only the return of the conflict to the basic state of the conflict of interests is able to connect the anti-drug activity of the state with the real interests of civil society again. Refs 16.

Keywords: conflict, state, illicit drug market, human value, conflict of values, anti-drug policy.

Попытка рассмотреть совокупность феноменов, связанных с наркотиками, с точки зрения современной конфликтологии все еще воспринимается как нечто экзотическое. Действительно, понятия выработанные для описания различных феноменов наркорреальности в медицине, социальной психологии, социологии, юриспруденции, как то наркомания, наркозависимость, наркотизм, незаконный оборот наркотиков, хорошо знакомы даже обывателю, не говоря уже о восприятии их в экспертном и научном сообществах. В то время как понятие наркоконфликта продолжает быть неизвестным и спорным неологизмом, используемым узким кругом специалистов, связанных с кафедрой конфликтологии Санкт-Петербургского государственного университета [1, с. 156–157]. Между тем неизменная экзотичность конфликтного подхода к изучению проблемы наркотиков представляется весьма странной, учитывая тот факт, что деятельность, нацеленная на работу с негативными явлениями, порождаемыми наркоторговлей, иначе как «борьба с наркотиками» в отечественной практике или «war on drugs» в зарубежной литературе фактически не называется. Исключение здесь может составить используемое преимущественно за рубежом понятие «наркополитика», которое, будучи изначально безликим из-за отсутствия в названии вектора в том виде, как он обнаруживает себя в принятом в российской практике понятии «антинаркотическая политика», еще недавно все-таки подразумевало под собой именно борьбу с наркорынком. Правда, тенденции последнего времени показывают сближение сущностного содержания западной наркополитики с тем, что раньше было лишь малозначимым ее названием, — переход от политики, направленной на сжимание наркорынка, к политике регулирования наркорынка с целью «снижения вреда» последнего. Вместе с тем следует заметить, что данный тренд можно описать не как смену конфликта на кооперацию в отношении наркоторговли, а лишь как увеличение пропорции разрешенной доли рынка в отношении запрещенной, в то время как борьба с последней на Западе продолжается, пусть зачастую только в виде декларации. Таким образом, описание проблемы наркотиков с помощью методологического инструментария теории конфликта позволяет заглянуть в самую суть совокупности социальных, политических, экономических отношений, возникающих в связи с наличием такого явления, как наркоторговля.

Эта статья в первую очередь нацелена на исследование ценностного аспекта конфликта государства и наркорынка. Но для того, чтобы описать данный формат противостояния, нам недостаточно простой констатации наличия этого конфликта, поэтому обратимся к тому, чем обусловлен данный конфликт, т. е. к тому, в чем заключается противоречие интересов и потребностей государства и рынка в целом и государства с наркоторговлей в частности.

Отношения государства и рынка в исторической ретроспективе и в современности описаны многократно. Каждый образованный человек примерно представляет себе, чем является то и другое. В отечественной и зарубежной конфликтологии конфликтной и одновременно кооперативной природе отношений государства и рынка также уделяется большое внимание, в частности в ставшей классической работе Р.Дарендорфа «Современный социальный конфликт» [2] имманентная конфликтность рынка и государства исследована весьма подробно. Попробуем реферативно описать основные положения, выработанные в современной теории конфликта касательно сложных отношений государства и рынка. Во-первых, государство и рынок представляют собой разные формы организации общества. Традиционно в экономической теории это связывается с тем, что рынок представляет собой частный сектор, базирующийся на частной собственности множества субъектов, а государство — публичный сектор, оперирующий государственной собственностью. Как замечает известный отечественный исследователь конфликта государства и рынка Г.Г.Газимагомедов, государство организует общество на основе общих потребностей и, соответственно, через отношение «человек — право», а рынок организует общество на основе частных потребностей и через отношение «потребность человека — вещь» [3, с. 40]. Одновременно можно заметить, что государство и рынок, будучи весьма похожи по своим функциям в части организации гражданского общества, не равны по своим возможностям в отношении друг друга. С одной стороны, государство не только организует общество на основе общих потребностей, но и имеет явную и оспариваемую только в части ее пределов возможность регулировать конструирование рынком общества на основе потребностей частных. С другой стороны, государство обладает особой ответственностью, от которой рынок свободен. Таким образом, мы должны сосредоточиться на двух моментах в этом конфликте: активной роли государства и особом наборе благ, которые оно должно произвести и сохранить. Начнем с последнего.

Несмотря на разный характер государства и рынка, их интересы в предоставлении услуг обществу либо минимально пересекаются (например, в области мелко-розничной торговли продуктами), либо вполне бесконфликтно кооперируются (например, в области, частного и государственного здравоохранения). В то же время существует набор благ, предоставление которых на частной основе практически невозможно: общественная безопасность, правосудие, социальная поддержка и т.д. Несмотря на продолжающиеся попытки отдать некоторые из традиционно государственных услуг на аутсорсинг бизнесу, как то частные тюрьмы или частные военные корпорации, в целом эти услуги формируют особую ответственность, которой эксклюзивно наделяется государство. Эта ответственность касается удовлетворения общественных потребностей, которые иногда равны совокупности частных потребностей индивидов и социальных групп, но в некоторых случаях представляют собой нечто несводимое к механическому суммированию частных устремлений, да и просто автономное в отношении этих потребностей.

Эти потребности связаны с таким понятием, как «общее благо», несколько подзабытым в классическом либерализме, но постепенно возвращающимся в социально-философский дискурс [4]. Общее благо — сложно описываемая конструкция, аргументы в пользу которой высказываются самые разные, но в целом относимая к тому, что в классическом структурно-функциональном анализе Э.Дюркгейма

и Т. Парсонса именуется хребтом социальной системы [5; 6]. Но всегда ли отправление вытекающих из этой ответственности обязанностей бесконфликтно?

В предыдущих работах нами была описана ситуация столкновения общего интереса с частным, когда эффективное достижение общих потребностей наталкивается на противодействие агентов удовлетворения частных потребностей. Данный кейс мы обозначили как конфликтную ответственность, т. е. обязанность государства вступить в конфликт по поводу общего интереса с теми, кто не позволяет его удовлетворить: в этом случае конфликт становится единственным способом реализовать государственную обязанность в отношении того или иного общественного блага [7, с. 51–52].

Конфликт государства и наркорынка представляет собой именно подобный сюжет. В секторе наркоторговли, акторы которого действуют в границах, определенных международными регуляторами в этой сфере, т. е. в части использования наркотиков для медицинских или научных целей, конфликта государства и наркорынка не возникает, ибо здесь общий интерес и частный интерес, например интерес фармацевтических компаний, реализуются посредством кооперативной модели взаимодействия. Только грубая экспансия агентов частного интереса в пространство, которое государство считает неприкосновенным, в конечном счете вызывает описываемый конфликт.

Спустя более ста лет с создания в 1909 г. усилиями 13 государств (в том числе и Российской империи) Шанхайской опиумной комиссии, с возникновения которой и принято вести отсчет современного конфликта государств с глобальным наркорынком, кажется очевидным, что именно травматический опыт двух Опиумных войн (1840–1842 и 1856–1860 гг.) во многом определил позицию государств в борьбе с наркотиками. Конечно же, такое заявление будет чрезмерным преувеличением. В конечном счете этот травматический опыт коснулся исключительно китайцев, для которых опиумный бизнес Ост-Индской компании при негласной поддержке официальной Великобритании обернулся реальной трагедией. Великие державы, которые впоследствии выступили основными подписантами первых актов, ограничивающих международную торговлю наркотиками, являлись инициаторами опиумной агрессии против Китая, а в дальнейшем и ее непосредственными участниками, и немало приобрели в результате тяжелого поражения Китая, что вполне закономерно вытекало из империалистического контекста тогдашних международных отношений. Но несмотря на то, что начало современной борьбы с наркорынком скорее связано с рядом внутригосударственных процессов, в первую очередь в США, опыт опиумных войн показал, чем может обернуться неконтролируемая деятельность наркобизнеса в отношении общего блага отдельно взятой страны.

С одной стороны, ущерб общим интересам, наносимый потреблением наркотиков вне научных и медицинских целей, кажется очевидным, с другой стороны, представляется необходимым его конкретизировать, используя такое понятие, как «человеческий капитал». Во второй половине XX в. исследования Т. Шульца и Г. Беккера, будущих нобелевских лауреатов, позволили ввести в научный оборот понятие «человеческий капитал» как совокупность интеллекта, компетенций, производительности и качества жизни человека [8; 9]. Современный подход «экономики знаний» определяет человеческий капитал как основной фактор роста экономики, успеха инвестиций, технологических рывков и, в конечном счете,

богатства и положения страны на международной арене. Следующим моментом является понятие инвестиций в человеческий капитал, к которым относится все то, что ранее считалось непроизводительными издержками: образование, здравоохранение, общественная безопасность, культура и т. д. Конечно же, не только государство инвестирует в человеческий капитал, но традиционно доля государственных инвестиций в социально ориентированные отрасли является ключевой, особенно в таких странах, как Россия, где государство, согласно последнему докладу Федеральной антимонопольной службы от 2016 г., либо непосредственно, либо через государственные корпорации контролирует 70 % экономики.

Совершенно очевидно, что потребление наркотиков способно нанести колоссальный удар по человеческому капиталу, по его отдельным аспектам, таким как капитал здоровья, сведя на нет все инвестиции государства в него [10]. Причем эти инвестиции относятся к «длинным деньгам» — человеческий капитал накапливается чрезвычайно долго, а расходуется под воздействием распространения наркотиков в короткие сроки. Таким образом, конфликт государства и наркорынка выкристаллизовывается в совершенно понятном виде, как конфликт интересов инвестора в общее благо — человеческий капитал — и интересов частного бизнеса, который конвертирует человеческий капитал в свой собственный, и несмотря на громадную потерю в «капитализации» человека в ходе этой конвертации, барыши наркобизнеса для его уровня остаются чрезвычайно большими. Кроме того, утрата человеческого капитала в ходе наркотизации и похожих на нее процессов происходит столь быстро и столь выпукло для населения, что вызывает давление с его стороны на государство несравнимо большее, чем в случае с другими негативными процессами, такими как институциональные кризисы в экономике, снижение ВВП и прочее, редко ощущаемыми обществом непосредственно здесь и сейчас. Соответственно это давление вынуждает государство гораздо более явно реагировать на подобную угрозу общему интересу.

Борьба с наркотиками как выражение конфликта интересов государства и наркорынка представляется вполне ясной, но каким образом между ними возникает конфликт ценностей? Исторически достоверно реконструировать процесс генерации ценностного аспекта конфликта государства и наркорынка на глобальном и национальном уровнях представляется чрезвычайно трудоемким занятием, требующим отдельного исследования. Как мы уже писали в предыдущих работах, в текстах документов, определивших формы борьбы с наркотиками (Международной опиумной конвенции 1912 г. и Акта Гаррисона 1914 г.), нет упоминания о каких-либо ценностных мотивах запрета, а только набор правил торговли и логистики опия, кокаина и их производных [11, с. 97]. Между тем в литературе есть сведения, что в ходе обсуждения Акта Гаррисона из уст конгрессмена Томаса Сиссона прозвучало: «Цель этого законопроекта — и все мы с ней полностью согласны — это предотвращение использования в США опиума, разрушительного для человеческого счастья и человеческой жизни» [12, с. 14–15]. Тем не менее из логики процесса очевидно, что, пользуясь материалистическим языком, базисным отношением, стоящим за конфликтом государства и наркорынка, являются экономические интересы участников, политический формат борьбы вырастает как надстроечная часть, как, собственно, и исследуемый нами идеологический аспект. Иными словами, ценности выступают как средство усиления и так существующей консолида-

ции граждан вокруг рациональной необходимости защитить пространство общего интереса от неконтролируемых даже самим частным наркобизнесом последствий потребления наркотиков. Более того, известно, что государство часто вынуждено прибегать к помощи гражданского общества в своей борьбе за общее благо и ценности служат мотивом объединения, гораздо легче воспринимаемым, нежели собираемость налогов, квалификация трудящихся, социальная инфраструктура и прочее. В продолжающемся в настоящее время совместном исследовании конфликта ценностей этики и конфликтологи приходят к промежуточным выводам о соотношении конфликта интересов и конфликта ценностей. Полагая, что между ценностями и интересами нет существенных различий, мы задаемся вопросом, почему анализу ценностей в данное время придается большее значение, нежели чем анализу интересов? Помочь ответить на этот вопрос может другое понятие, отражающее действительность с позиций субъективности, — «потребность». В основе социальных процессов лежат люди с их потребностями, но анализ различия потребностей не уводит нас от действительности, а напрямую с нею соотносит, в то время как анализ ценностей, напротив, есть субъективность, которая практически зависит не от социального положения человека, а от состояния сознания, психики, его представлений о действительности [13, с. 56]. Ценности для социального взаимодействия предстают неисчерпаемым источником конструирования любых конфигураций конфликта и кооперации, ибо никак не связаны с действительным положением дел и не ограничены им.

Потому и неудивительна метаморфоза, произошедшая с конфликтом государства и наркорынка за эти сто лет. Можно сказать, что риторика сторон явно указывает на то, что пирамида «рациональное—ценностное» в мотивах данного конфликта перевернулась и встала с ног на голову. Сторона защиты общего блага от наркотиков обращается к мотивам безопасности, высокого жизненного стандарта для общества в целом, зачастую апеллирует к «традиционным» ценностям [14]. Их оппоненты подкрепляют свою позицию идеями свободы, невмешательства в частную жизнь [15]. Постепенно рациональный мотив борьбы с наркотиками совершенно забывается, а наркоторговля и все, что с ней связано, действительно все больше начинают восприниматься исключительно как правонарушения и преступления против общественной нравственности, как то записано в российских кодексах. Данный процесс вызывает серьезное опасение, и здесь стоит вернуться ко второй особенности, которую мы еще не успели обсудить: к активной позиции государства в отношении любого рынка. С того момента, когда государство начало запрещать то, что еще раньше свободно распространялось, наркорынок естественным образом стал реагировать на изменившиеся условия. Он изобретает все новые способы конспирации логистики и дистрибуции незаконных наркотиков, легализации доходов, коррупции, постоянно обновляется ассортимент продукции, с тем чтобы, пользуясь неповоротливостью государства, некоторое время легально торговать наркотиками, еще не включенными в соответствующие списки. Но последние тенденции, особенно значительная либерализация на уровне отдельных штатов США положения с наркотиками, говорят о том, что еще никогда наркорынок не был так близок к тому, чтобы разом вывести из тени торговлю наиболее массовыми наркотиками, в первую очередь продуктами конопли. Сложно утверждать, что только лишь чрезмерное увлечение ценностной аргументацией

подмыло основание консенсуса против наркотиков. Но представляется, что именно ценностный формат конфликта государства и наркорынка оказался для последнего гораздо более выгодным, нежели конфликт интересов, возникший первоначально. Объективные потери в общем благе, которые претерпевает общество от наркотиков в наблюдаемой гражданами действительности, даже несмотря на то, что в некоторых уголках Земли качество жизни людей выросло так, что способно в краткосрочной перспективе несколько нивелировать видимый ущерб коммуне, ставят наркобизнес в заведомо проигрышную позицию, практически не оставляя ему шанса преподнести себя как безвредного потенциального налогоплательщика или хотя бы такую отрасль, которая могла бы за счет социальных программ компенсировать потери общества и государства. Перевод же конфликта в плоскость ценностей, т.е. фактический отрыв от действительности, дает наркобизнесу возможность посредством пропаганды, апелляций к разного рода химерам представить крайнюю форму рабства свободой личности. Плюрализм интересов встречается гораздо реже, чем плюрализм ценностей, ибо люди обладают близкими взглядами на то, что может составить их счастье в материальной плоскости. Сделав ценности социально-философским базисом своего конфликта с наркорынком, государство поставило вверенный ему общий интерес в зависимость от меняющихся и зачастую подверженных манипуляциям ценностных предпочтений людей. В условиях описываемого в известном исследовании Р. Инглхарта тренда изменения предпочтений людей по мере экономического роста от ценностей выживания к ценностям самореализации [16] дальнейшая ставка на ценностную аргументацию практически не оставляет государству шансов отстоять общее благо в конфликте такого формата. Только возвращение конфликта с наркорынком в базовое состояние конфликта интересов способно вновь сделать регуляцию наркоторговли соотношенной с действительностью.

Литература

1. Зазулин Г.В., Стребков А.И. Что такое наркоконфликтология // Конфликтология. 2009. № 2. С. 156–180.
2. Dahrendorf R. The modern social conflict: An essay on the politics of liberty. Berkeley; Los Angeles, California University Press, 1988. 219 p.
3. Газимагомедов Г.Г. Рынок и политика: конфликтные грани взаимодействия // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. 2005. Вып. 3. С. 38–42.
4. Спиридонова В.И. Эволюция концепции общего блага в западной политической мысли. // Полигнозис. 2001. № 1 (13). С. 41–52.
5. Parsons T. The System of Modern Societies. New Jersey: Prentice Hall, 1971. 152 p.
6. Durkheim E. The Division of Labor in Society. New York: Free Press, 2014. 416 p.
7. Сунами А.Н. Конфликтология ответственности // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 17. 2013. Вып. 3. С. 50–57.
8. Schultz T. Investment in Human Capital. The Role of Education and of Research. New York: The Free Press; London: Collier-Macmillan Limited, 1971. 272 p.
9. Becker G. S. Human Capital: A theoretical and empirical analysis with special reference to education. New York: Columbia University Press, 1964. 187 p.
10. Розмаинский И.В. Почему капитал здоровья накапливается в развитых странах и «проедается» в постсоветской России? (Опыт посткейнсианского анализа) // Вопросы экономики. 2011. № 10. С. 113–131.
11. Сунами А.Н., Рукинов В.А. Аксиологическое измерение антинаркотической политики // Конфликтология. 2015. № 1. С. 95–104.

12. Rowe T.C. *Federal Narcotics Laws and the War on Drugs: Money Down a Rat Hole*. New York: Haworth Press, 2006. 198 p.
13. Стребков А.И., Сунами А.Н. Междисциплинарная парадигма анализа конфликтов ценностей // Конфликтология. 2016. № 4. С. 48–66.
14. Зазулин Г.В. Наркоситуация и конфликтогенный потенциал наркореальности в России // Конфликтология. 2014. Специальный выпуск. С. 381–384.
15. Block W. *Defending the Undefendable*. New York: Fleet Press Corp., 1976. 256 p.
16. Inglehart R., Welzel C. *Modernization, Cultural Change, and Democracy The Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 344 p.

Для цитирования: Сунами А.Н. Конфликт ценностей как социально-философское основание борьбы государства с наркорынком // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33. Вып. 3. С. 381–388. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2017.314.

References

1. Zazulin G.V., Strebkov A.I. Chto takoe narkokonfliktologiya [What is drug conflict studies]? *Konfliktologiya*, 2009, vol. 2, pp. 156–180. (In Russian)
2. Dahrendorf R. *The modern social conflict: An essay on the politics of liberty*. Berkeley, Los Angeles, California University Press, 1988. 219 p.
3. Gazimagomedov G.G. Rynok i politika: konfliktnye grani vzaimodeistviia [Market and policy: Conflict aspects of interaction]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6*, 2005, vol. 3, pp. 38–42. (In Russian)
4. Spiridonova V.I. Evoliutsiia kontseptsii obshchego blaga v zapadnoi politicheskoi mysli [The evolution of the concept of the common good in Western political thought]. *Polignozis*, 2001, vol. 1 (13), pp. 41–52. (In Russian)
5. Parsons T. *The System of Modern Societies*. New Jersey, Prentice Hall, 1971. 152 p.
6. Durkheim E. *The Division of Labor in Society*. New York, Free Press, 2014. 416 p.
7. Sunami A.N. Konfliktologiya otvetstvennosti [Conflict studies of the responsibility]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 17*, 2013, vol. 3, pp. 50–57. (In Russian)
8. Schultz T. *Investment in Human Capital. The Role of Education and of Research*. New York, The Free Press, London, Collier-Macmillan Limited, 1971. 272 p.
9. Becker G.S. *Human Capital: A theoretical and empirical analysis with special reference to education*. New York, Columbia University Press, 1964. 187 p.
10. Rozmainskii I.V. Pochemu kapital zdorov'ia nakaplivaetsia v razvitykh stranakh i "proedaetsia" v postsovetskoi Rossii? (opyt postkeinsianskogo analiza) [Why health capital accumulates in developed countries and "eats" in post-soviet Russia? (Experience of post-Keynesian analysis)]. *Voprosy ekonomiki*, 2011, vol. 10, pp. 113–131. (In Russian)
11. Sunami A.N., Rukinov V.A. Aksiologicheskoe izmerenie antinarkoticheskoi politiki [Axiology of Anti-Drug Policy]. *Konfliktologiya*, 2015, vol. 1, pp. 95–104. (In Russian)
12. Rowe T.C. *Federal Narcotics Laws and the War on Drugs: Money Down a Rat Hole*. New York, Haworth Press, 2006. 198 p.
13. Strebkov A.I., Sunami A.N. Mezhdistsiplinarnaiia paradiigma analiza konfliktov tsennostei [Interdisciplinary paradigm for "conflict of values" analysis]. *Konfliktologiya*, 2016, vol. 4, pp. 48–66. (In Russian)
14. Zazulin G.V. Narkosituatsiia i konfliktogennyi potentsial narkoreal'nosti v Rossii [Drug situation and conflict potential of drug reality in Russia]. *Konfliktologiya*, 2014, special issue, pp. 381–384. (In Russian)
15. Block W. *Defending the Undefendable*. New York, Fleet Press Corp., 1976. 256 p.
16. Inglehart R., Welzel C. *Modernization, Cultural Change, and Democracy The Human Development Sequence*. Cambridge, Cambridge University Press, 2005. 344 p.

For citation: Sunami A.N. Conflict of values as a socio-philosophical basis of state's war on illicit drug market. *Vestnik SPbSU. Philosophy and Conflict studies*, 2017, vol. 33, issue 3, pp. 381–388. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2017.314.

Статья поступила в редакцию 27.01.2017
Статья рекомендована в печать 16.03.2017